

Письмо редактору „Русской Мысли“.*)

Дорогой

Петръ Бернгардовичъ!

Разрѣшите сказать Вамъ нѣсколько словъ по поводу появившихся въ первой книгѣ „Русской Мысли“ текущаго года воспоминаній В. В. Шульгина о кievскомъ погромѣ 1905 года подъ заглавіемъ „Дни“. Я обращаюсь не столько къ нему, сколько къ Вамъ, такъ какъ Вы въ ввводномъ примѣчаніи, которыми Вы снабдили эти воспоминанія, называете ихъ „искренними, правдивыми и изобразительными“. Я не отрицаю того, что эти воспоминанія написаны, дѣйствительно, съ большой изобразительной силой и что внѣшняя картина погрома, какъ и настроеніе толпы и солдатъ, переданы совершенно вѣрно. Тѣмъ не менѣе не могу признать этихъ записокъ ни правдивыми, ни искренними.

Отношеніе В. В. Шульгина къ еврейскому вопросу въ качествѣ публициста и члена Гос. Думы намъ всѣмъ достаточно извѣстно. Спорить съ нимъ поэтому по еврейскому вопросу по существу, конечно, прежде всего совершенно безцѣльно, но можно было требовать отъ него, чтобы онъ, излагая событія въ Кіевѣ послѣ объявленія манифеста 17 октября, воздержался отъ повторенія слуховъ, во всякомъ случаѣ непровѣренныхъ, какъ напр., того, что какой то рыжій студентъ еврей, пробивъ головой портретъ царствующаго Императора, носилъ на себѣ пробитое полотно, изступленно крича: „Теперь я—Царь“. Эта исторія тогда рассказывалась въ газетахъ. Но вѣдь всякому же ясно, что манифестъ 17 октября никому, ни еврею, ни не еврею, не давалъ никакого права себя считать царемъ. Если этотъ фактъ дѣйствительно имѣлъ мѣсто, то, слѣдовательно, его можно объяснить лишь двумя версіями: либо, что этотъ студентъ еврей былъ человекомъ, во всякомъ случаѣ въ тотъ моментъ совершенно потерявшимъ рассудокъ, либо же, что гораздо вѣроятнѣе, что это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ провокаторовъ, которые такъ хорошо умѣли

*) Печатаю это письмо, я имѣю въ виду коснуться затронутыхъ въ немъ и въ „Воспоминаніяхъ“ В. В. Шульгина вопросовъ въ принципиальной статьѣ на тему, выясненіе которой становится и потребностью, и повелительнымъ долгомъ — и нѣкоторыя стороны которой до сихъ поръ, съ обѣихъ сторонъ, замалчиваются.

тогда работать въ эту мутную вторую половину октября 1905 года. Вѣроятно же всего, что этотъ рыжій студентъ еврей, провозгласившій себя въ кievской думѣ царемъ, относится къ области тѣхъ же фактовъ, что и 10.000 жидовъ, засѣвшихъ въ Голосѣвскомъ лѣсу, противъ которыхъ, по наблюденіямъ В. В. Шульгина, были двинуты такія серьезныя военныя силы.

Я не хочу вылавливать всѣхъ „фактовъ“, достовѣрность которыхъ также подлежитъ сомнѣнію, которыми пересыпаны всѣ воспоминанія Шульгина. Такъ, напримѣръ, по его же наблюденіямъ, еврейская „самооборона“ состояла изъ „мальчишекъ“. Между тѣмъ, онъ самъ видитъ трупъ „старого еврея въ полосатомъ бѣльѣ“, котораго „мальчишкой“ называть, слѣдовательно, трудно, и это не мѣшаетъ ему нѣсколько разъ повторять, что „убиваютъ лишь тѣхъ евреевъ, которые стрѣляютъ“.

Дѣло не въ этихъ, можетъ быть, сравнительно второстепенныхъ неточностяхъ. Гораздо хуже все отношеніе къ еврейскому погрому, которымъ проникнуты воспоминанія и которое очень ярко проявляется въ фразѣ, что погромъ былъ отвѣтомъ „исторической Россіи“ на начатый противъ нея „штурмъ“. Оговорка что „этотъ отвѣтъ принялъ безобразную форму еврейскаго погрома“, конечно, не смягчаетъ этого сужденія. Очевидно, что В. В. Шульгинъ и сейчасъ считаетъ погромъ явленіемъ, правда, не очень эстетическимъ, но все же исторически мотивированнымъ, какъ онъ пишетъ, „вызывающимъ“ поведеніемъ евреевъ.

Шульгину, какъ кievлянину, публицисту и видному политическому дѣятелю, не могутъ не быть извѣстны тѣ правовыя условія, въ которыхъ билась еврейская масса при старомъ режимѣ. Они ему не только хорошо извѣстны, но, напротивъ, онъ и его фракція въ Думѣ дѣлали все, отъ нихъ зависящее, для того, чтобы это анти-еврейское законодательство сохранить въ полной неприкосновенности. И вѣдь не можетъ же В. В. Шульгинъ не задавать себѣ вопроса, какія чувства къ „Царю“ и „къ исторической Россіи“, какъ ее понимаетъ Шульгинъ, должны были воспитать въ еврейскихъ массахъ эти законы? Евреи пришли въ восторгъ отъ манифеста 17 октября, — какъ потомъ оказалось, безъ всякаго основанія, ибо ихъ положеніе въ періодъ мнимаго конституціонализма 1906—1917 г. г., стало не лучше, а гораздо хуже, чѣмъ оно было до тѣхъ поръ. Эта радость была, — я согласенъ, — съ ихъ стороны необдуманной, если хотите, глупой, но почему же слѣдуетъ видѣть „вызовъ“ въ поведеніи людей, которымъ казалось, что власть, столько ихъ терзавшая, вынуждена была, наконецъ, предоставить имъ права, на которыя они себя считаютъ въ правѣ претендовать? Въ статьѣ въ одной изъ послѣднихъ книгъ „Русской Мысли“, вышедшихъ еще при большевикахъ въ Россіи, Вы, П. Б., писали, что главное преступленіе стараго

режима состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ большевистскую революцію неизбѣжной (я цитирую по памяти, но насколько помнится, именно такъ Вы эту мысль выразили*). Въ отношеніи евреевъ эту мысль можно формулировать такимъ образомъ, что старый режимъ, стремившійся, по выраженію Плеве, „сдѣлать жизнь евреевъ въ Россіи невозможной“, этимъ самымъ вызвалъ массовое участіе евреевъ въ революціонномъ движеніи, какъ 1905, такъ и 1917 и слѣдующихъ годовъ. И если теперь, послѣ ужасныхъ пережитыхъ нами лѣтъ, писатель даже праваго направленія, какъ Шульгинъ, можегъ видѣть въ погромѣ, учиненномъ по его же писанію хулиганскими отбросами Кіевскаго населенія, хотя и безобразный, но все таки въ основѣ своей законный отвѣтъ „исторической Россіи“ на наглость евреевъ, то приходится очевидно сказать, что, дѣйствительно, люди нашего поколѣнія ничему научиться не въ состояніи. Большевистскій режимъ есть на практикѣ примѣненіе къ „буржуямъ“, безъ различія вѣроисповѣданія, тѣхъ идей и представленій, которые старый режимъ такъ культивировалъ въ русскомъ населеніи по отношенію къ евреямъ. И если погромы 1905 года были проявленіемъ того, что Шульгинъ рѣшается назвать „исторической Россіей“, то слѣдовало бы сказать, что тотъ грандіозный погромъ, который учинили большевики надъ всей Россіей тоже находится въ какомъ то соотвѣтствіи съ исторической Россіей. Не знаю будетъ ли этотъ выводъ пріятенъ В. В. Шульгину, а между тѣмъ онъ, по-моему, безошибочно вытекаетъ изъ его мыслей.

Вѣдь въ извѣстномъ смыслѣ погромы октября 1905 г., какъ и предшествовашіе имъ Кишиневскіе и т. д., неизмѣримо хуже погромовъ, устраивавшихся Петлюровскими войсками или частями добровольческой арміи, несмотря на то, что количество человѣческихъ жертвъ теперь несравненно больше, чѣмъ тогда. Старое правительство даже въ концѣ 1905 года обладало достаточно крѣпко организованнымъ административнымъ аппаратомъ, располагало послушнымъ и дисциплинированнымъ войскомъ, понятіе о правѣ не было такъ глубоко подорвано, какъ теперь. Его власть была очень реальна, что было доказано и тѣмъ, что оно тогда справилось съ революціоннымъ движеніемъ. Оно не зависело отъ настроенія массъ, анархическихъ и не подчиняющихся никакой власти, изъ которыхъ составлялись послѣ октября 1917 г. противобольшевистскія войска. Борьба съ анархическими настроеніями, съ поползновеніями къ грабежу и убійству, старому правительству поэтому было всегда неизмѣримо легче, чѣмъ напримѣръ правительству Деникина и т. д., которое всегда было слабѣе массъ, якобы ими управляемыхъ. У старой власти поэтому нѣтъ того оправданія

*) Я писалъ не о большевистской революціи, а о революціи вообще.

безсилія сопротивляться разнузданной толпѣ при еврейскихъ погромахъ, которое до извѣстной степени могутъ теперь приводить въ свое оправданіе правительства, дѣлавшія попытки бороться на территоріи Россіи съ большевиками. Это соображеніе дѣлаетъ еще болѣе недопустимымъ то, якобы объективное, отношеніе къ погрому, какъ къ игрѣ стихійныхъ силъ, съ которыми бороться невозможно, какое проводитъ В. В. Шульгинъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Я не хочу тутъ поднять вопроса о евреяхъ и участіи ихъ въ революціи. Если объ этомъ писать, то надо это сдѣлать не въ видѣ реплики на статью В. В. Шульгина. Я бы хотѣлъ закончить только слѣдующимъ замѣчаніемъ. Играть активную роль въ восстановленіи Россіи послѣ большевистскаго погрома будутъ въ состояніи лишь тѣ, которые ясно уразумѣютъ связь событій, причинность историческихъ явленій, связывающихъ грѣхи прошлаго Россіи съ кризисомъ, ею теперь переживаемымъ, и изъ этого сдѣлаютъ надлежащіе выводы. Эту связь слѣдуетъ наконецъ понять и въ вопросѣ еврейскомъ, вообще, и въ вопросѣ объ участіи евреевъ въ революціи, въ частности. В. В. Шульгинъ, какъ показываютъ его записки, этой связи себѣ не уяснилъ и, повидимому, уяснить не собирается.

Вы меня безконечно обяжете, Петръ Бернгардовичъ, если найдете возможнымъ помѣстить это письмо на страницахъ „Русской Мысли“.

Глубоко Вамъ преданный

И. О. Левинъ.